

RU

Художественные персонажи русского рекрутского песенного фольклора Удмуртии

Толкачева С. В.

Аннотация. Цель исследования - изучение песенного фольклора русского рекрутского обряда Удмуртии. Проведён анализ мифопоэтической характеристики основных персонажей. Научная новизна обусловлена тем, что впервые на примере русских текстов рекрутских песен Удмуртии выявлены мифологемы, связанные с описанием пострига в рекруты. Обозначены соответствия между обычаями пострига новобранца и первой стрижкой ребёнка в традиционной культуре русских, бесермян, татар, удмуртов. В результате исследования установлено, что многие поэтические сюжеты и мотивы песен рекрутского обряда оказываются характерными для свадебного и календарного фольклора. Показано, что типологическое сходство в оформлении вербального кода рекрутских и свадебных песен присуще также марийской и удмуртской народной культуре. Отмечены различия в приёмах описания женских и мужских персонажей рекрутских песен.

EN

Literary Characters of Russian Recruitment Song Folklore of Udmurtia

Tolkacheva S. V.

Abstract. The aim of the research is to study the song folklore of the Russian recruitment rite of Udmurtia. The analysis of the mythopoetic characteristics of the main characters is carried out. The research is novel in that it is the first to identify mythologemes associated with the description of recruits getting their hair cut, using Russian texts of recruitment songs of Udmurtia as an example. The correspondences between the customs of cutting a new recruit's hair and a child's first haircut in the traditional culture of Russians, Besermyans, Tatars, Udmurts are indicated. As a result of the research, it has been found that many poetic plots and motifs of songs of the recruitment rite are characteristic of wedding and calendar folklore. It has been shown that typological similarity in the arrangement of the verbal code in recruitment and wedding songs is also inherent in Mari and Udmurt folk culture. Differences in the methods of describing female and male characters of recruitment songs are noted.

Введение

Русский рекрутский обряд бытовал на территории современной Удмуртии вплоть до 60-х годов XX века. Первые тексты русских рекрутских песен, исполнявшихся на этой территории, зафиксированы священником, этнографом Г. Е. Верещагиным (Собрание сочинений: в 6-ти т. / под ред. В. М. Ванюшева. Ижевск, 2002. Т. 4. Фольклор. Кн. 2. Русский фольклор. Сказки. Анекдоты. Песни. Детский фольклор. Пословицы и поговорки), первые нотные расшифровки опубликованы И. К. Травиной (Русские народные песни родины П. И. Чайковского. М.: Советский композитор, 1978. С. 171-181). Этнографические материалы, тексты и нотации русского рекрутского фольклора представлены в работах Ю. П. Богдановой (2019), А. Г. Татаринцева (Русский фольклор Удмуртии / сост., предисл., вступит. ст. к разделам, примеч. А. Г. Татаринцева. Ижевск: Удмуртия, 1990. С. 112), С. В. Стародубцевой (Ох, распечальное моё сердечко (песни из репертуара Н. Е. Власовой). Ижевск, 1999. Вып. 1. С. 72-82). Около 70 образцов записей репортажей и песенных образцов русского рекрутского обряда, зафиксированных в ходе полевых фольклорно-этнографических экспедиций 1993-2001 годов, хранятся в Научно-отраслевом архиве Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра.

Теоретической базой для настоящей работы послужили материалы и исследования А. К. Байбурина (1993), Н. А. Волокитиной (2014), Ж. В. Корминой (2005), Е. А. Склярской (2015), Э. А. Тамаркиной (2004), А. В. Черных (2001). В исследованиях, посвящённых русскому рекрутскому фольклору Удмуртии, были описаны этнографические полевые материалы, жанровый состав песен, их вербальные и музыкальные стилистические особенности (Склярская, 2015, с. 124-126; Тамаркина, 2004; Толкачева, 2019; 2022). В результате сопоставительного

анализа обозначено сходство обычаев рекрутских обрядов в традиционной культуре народов Урало-Поволжья (Толкачева, 2020).

Актуальность данного исследования состоит в том, что на примере анализа персонажного кода русских рекрутских песен Удмуртии выявлены закономерности в подборе поэтических мотивов, сюжетов, образной системы персонажей, сопоставимых с характерными особенностями вербальной организации песенных жанров – как обрядовых, так и лирических.

В задачи исследования входит описание основных художественных персонажей, задействованных в русском рекрутском фольклоре Удмуртии, по нескольким позициям:

1) анализ символики поэтических мотивов, выявление этнографических параллелей, находящих преломление в вербальном коде, сопоставление акционального и вербального кодов ряда эпизодов рекрутского обряда с обычаями первого пострига ребенка;

2) рассмотрение этимологии терминов, связанных с персонажами песен рекрутского обряда и личными именами; сопоставление ряда поэтических мотивов в русском песенном фольклоре рекрутского и свадебного обрядов.

Практическая значимость исследования видится в возможности включения полученных выводов в преподавание вузовских дисциплин – фольклористики, социолингвистики, лингвокультурологии, диалектологии, а также в углублении и расширении научной базы в сфере изучения русского фольклора локальных регионов.

Основными инструментами исследования стали метод ареального исследования, структурно-типологический метод, методология, учитывающая специфику гендерных отношений.

Основная часть

В исследовании корпуса обрядовых песенных текстов изучение персонажного кода способствует выявлению специфических закономерностей конкретного обрядового комплекса. При рассмотрении персонажного кода корпуса русских рекрутских песен Удмуртии выявляются две крупные образные сферы – женские и мужские персонажи. Среди женских персонажей чаще всего упоминается мать новобранца. Реже встречаются поэтические мотивы с участием подруги, жены, сестры, медсестры, тёщи, в которых описываются традиционно «женские» хлопоты – оказание заботы и помощи (все тексты в данной статье приведены в сокращении и без учёта их музыкально-поэтической формы):

«Пусти, пусти, маменька,
Пусти обогреться,
Пусти обсушиться,
(К тебе воротиться)» (Татаринцев, 1990, с. 115).

«Вот один боец диктует:
– Здравствуй, милая жена!
Жив я, ранен неопасно,
Скоро дома буду я...» (Татаринцев, 1990, с. 124).

В некоторых поэтических мотивах, показывающих «женские» хлопоты и обязанности, проявляются отголоски-аллюзии из традиционных семейно-бытовых обрядов. Например, в текстовых вариантах песни «С вечера я был мальчишка», бытующей в северных и северо-западных районах Удмуртии, сочетаются мотивы пострижения волос рекрута, их сбора и сохранности. Показательно, что в данных текстах значительное место отводится персонажу «родная мамонька», которую ожидает призывник на постриг и которая далее, уже после пострига, производит дальнейшие действия с волосами. Например, в песне из села Карсовой заключительные мотивы описывают, как «мамонька» собирает волосы сына, заворачивает их в «бел платочек» и относит его невесте. Сохранённый «бел платочек» помогает невесте дожидаться из армии своего жениха. В песне из посёлка Кузьма используются поэтические мотивы отдачи матерью рекрута «бел платочка» «молодой жене» для «показа» его «малым деткам».

В репортажах о русских рекрутских обрядах, бытующих в Удмуртии, информанты редко упоминают о закреплении кинетических действий с конкретными песнями. В связи с этим примечательно, что исполнение песни «С вечера я был мальчишка» поддерживалось кинетическим кодом – хореографическим ритуальным действием: под эту песню *некрута* водили за руку по избе его родственники после выхода из-за стола в *последний вечер*. Данный факт может свидетельствовать об особой обрядовой значимости песни и описываемых в ней событий. Приведём фрагменты песни из села Карсовой:

«С вечера я был мальчишка да,
Поутру я стал солдат да,
Ой, поутру я стал солдат.

Повезли меня мальчишку да,
На троичке на земской да,
Ой, на троичке на земской...

– Погодите, вы, не брейте да,
Родну мамоньку дождите да,
Ой, родна мамонь(и)ка придёт.

Родна мамонька придёт да,
Русы кудри соберёт да,
Ой, русы кудри соберёт.

В бел платочек завернёт да,
И невесте отнесёт да,
Ой, и невесте отнесёт.

А невеста та возьмёт да,
Миня с армии дождёт да,
Ой, миня с армии дождёт» (Богданова, 2019).

Вариант заключительных строк песни из посёлка Кузьма:

«В бел платочек завяжёт...
Да молодой жене отдаст...
Малым деткам напоказ» (Татаринцев, 1990, с. 114).

Поэтические мотивы, обозначенные в песне «С вечера я был мальчишка», связанные с постриженными волосами, в других песнях русской фольклорной традиции Удмуртии не встречаются.

Мифологические представления о волосах как «средоточии жизненных сил человека» (Толстой, Усачева, 2002, с. 88) находят отражение в тексте русской рекрутской песни «Чуют, чуют кудерки»:

«Чуют, чуют кудерки
Да на себя невзгоду,
Да велику солдатцу,
Да велико, большое.
Да на часах стояти...
Да ружье держати...» (Татаринцев, 1990, с. 114).

Подобно русским рекрутским песням, в удмуртских рекрутских песнях также представлены поэтические мотивы, связанные с обрядовыми действиями с волосами. В удмуртских песнях широко распространён мотив не собственно пострига, а расчёсывания волос рекрута, сидящего на стуле:

«Пришло, кажется, время расчесывать мои льняные волосы, сидя на стуле,
Пришла, кажется, мне вест в Красную армию идти...» (Вершинина, Владыкина, 2014, с. 231).

В русской фольклорной традиции Удмуртии мотив расчёсывания волос, символически маркирующий обрядовый переход в новый социальный статус молодого мужчины, встречается в свадебных песнях (например, «Как от солнца, от месяца», «На диване алым бархате»). Примечательно, что после мотива *завивания/расчёсывания* кудрей молодца в обоих примерах, представленных далее, следуют мотивы своеобразного «разговора», то есть вербальной коммуникации, с ними – *приговора/наказа*:

«Как у доброго молодца
В три ряда кудри вилися.
Завивала ему сестрица,
Завивала-приговаривала...» (Болдырева, Толкачева, 2018, с. 187).

«Тут сидел же добрый молодец,
Он чесал же кудри русые,
Он чесал, сам приговаривал,
Своим кудерцам наказывал...» (Болдырева, Толкачева, 2018, с. 206).

Итак, в песнях «С вечера я был мальчишка» и «Чуют, чуют кудерки» сохранились отголоски мифологических представлений о сакральной силе волос новобранца и солдата. В поэтических мотивах сбора волос матерью рекрута и передачи их его молодой жене для сохранения и «показа» детям прослеживается связь трёх поколений: родители – дети – внуки, мифологически приближенная к образу мирового дерева.

Поэтические мотивы пострига и расчёсывания волос, символизирующие «переход» молодого человека в иной социальный статус, как «отголоски», аллюзии обрядовой культуры народов, населяющих Удмуртию, – бесермян, удмуртов, татар, – коррелируют с обрядом первой стрижки волос ребёнка. «Переход человека из одной возрастной группы в другую, как правило, отмечался всевозможными манипуляциями... с волосами... В этом отношении особенно показательно первое пострижение волос у ребенка» (Байбурин, 1993, с. 56).

В удмуртской, бесермянской, татарской традиционной культуре «выстриженные волосы не разрешали бросать на улицу... Обычно их хранили или сжигали...» (Попова, 1998, с. 66; Садыкова, Сайфутдинов, 2021). Информанты отмечают, что первые состриженные волосы заворачивались в бумагу, лоскут (в единичном воспоминании – в маленький целлофановый пакетик), хранились в укромном месте, в том числе и в сундуке. Когда ребёнок вырастал, ему могли вручить на память его первые остриженные волосы, иногда вместе с альбомом детских фотографий. Также и исследователи татарской традиционной культуры отмечают, что остриженные волосы хранились в сундуке, в мелкой посуде или в Священном Писании – в Коране (Азизова, 2009).

В восточнославянской обрядовой культуре обычаи первого пострига ребёнка ярко представлены у донских казаков. Некоторые из обычаев этого обряда сходны с татарскими, удмуртскими обычаями. Пострижение волос было центральным событием празднования первой годовщины жизни ребёнка донскими казаками. Т. Ю. Власкиной (2009, с. 453) отмечено, что в данной этнической традиции ритуальный комплекс пострижения был тесно связан с социальной и профессиональной (военной) деятельностью населения. Так, в проведении обряда значительная роль отводилась мужчинам. Часто обряд пострига мальчика совмещался с ритуалом первого *посаждения на коня*. У татар волосы также состригались муллой или уважаемым мужчиной, «старшим» в роду – дедом, отцом, близким родственником.

Имеются сведения о том, что в татарских локальных традициях мать могла сделать из волос амулет – «тумар», зашив волосы в лоскут ткани, и на свадьбе сына подарить этот амулет его жене. «Тумар» могли пришивать к шапочке ребенка или к его одежде со стороны спины (Садыкова, Сайфутдинов, 2021). У донских казаков имелся аналогичный обычай хранения волос «до определённого срока», а потом «использования их в качестве амулета» (Власкина, 2009, с. 450).

У донских казаков бытовал такой приём обращения с первыми волосами ребенка, как помещение их в пограничный локус – в притолоку, под стропила, в ограду (Власкина, 2009, с. 450). Обычай сохранения волос в стенной щели существовал в некоторых локальных традициях татар: «...мулла срезал немного волос у ребенка, которые мать его затем прятала в сундук или в какую-нибудь щель в стене...» (Садыкова, Сайфутдинов, 2021).

Сходный с обычаями первого пострига ребёнка мифологический подтекст сохранения постриженных волос в щелях балки матицы (несущей части конструкции дома) или притолоки (верхнего бруса дверного проёма) обнаруживается и в рекрутском обряде.

Архетипическое значение матицы, притолоки и других частей дома, универсальность их восприятия в народном сознании раскрыты в исследовании Т. В. Цивьян (2000, с. 2). Аналогично тому, как волосы ребенка сохранялись в щели притолоки, так и чук призывника – связка ленточек, ниток, лоскутков, иногда завязанных бантом, – на матице, притолоке. И притолока, и матица символически наделяются «обережными» свойствами в традиционной культуре удмуртов, бесермян, русских (Анисимов, 2021, с. 65; Владыкина, Глухова, Панина, 2018, с. 144-146; 2021, с. 42).

Оригинальный обычай для русской традиционной культуры региона зафиксирован в локальных традициях Базезинского, Кезского районов Удмуртии (в населённых пунктах с преобладанием старообрядцев). Девушки «прикалывали» к верхушке и бокам шапки рекрута разноцветные ленты длиной около метра – преимущественно голубые, зелёные. Ленты были связаны бантом, а их концы свободно свисали. Шапка с лентами бережно хранилась до возвращения солдата. В данном обычае можно проследить аллюзии между рекрутским и свадебным обрядом. Как в течение свадебного обряда манипуляции с головным убором невесты и его изменения подчёркивали драматургические, узловые линии, так и в рекрутском обряде прикрепление ленточек к шапке, которые прикрывали лицо новобранца, указывали на его изменяющийся статус.

В русской традиционной культуре Удмуртии в деревне Смольники Дебёсского района зафиксирована приуроченная к зимним святочным *игрищам* календарная игра с шапками. Под пение песен «вокруг сидящих на корточках парней ходят девушки в мужских шапках, после окончания песни в круг садятся девушки, приплясывают в шапках парни...» (Стародубцева, 2001, с. 390). В данной игре можно выделить такие параллельные черты с обычаем прикалывания лент к шапкам в рекрутском обряде, как разделение присутствующих на две партии – мужскую и женскую – и привлечение символики головного убора, «социально и ритуально» значимой части одежды (Узенёва, 2002, с. 491).

Символическими материнскими функциями, её порождающей и наделяющей энергией силой могут обозначаться такие ландшафтные элементы, как *берега*, или в совокупности вся родная территория, например «матушка Россия». В песне «Вот указ – во солдатушки ладят везти нас»:

«В этой лодочке два братца сидят,
Промеж собой речи говорят.
Говорят речи они такие,
Все про матушку Россию:
“Нужно нам, брателко,
Ко бережку плыть,
Нужно нам, брателко,
На берег зайти,
Нужно нам, брателко,
Отца-мать найти”» (Травина, 1978, с. 173).

Таким образом, символическая знаковая система, характерная для женских художественных персонажей русских рекрутских песен Удмуртии, во многом связана с обрядовой традиционной культурой, с материнским, порождающим началом, с элементами ландшафта.

«Мужские» поэтические персонажи песен рекрутского обряда представлены родственниками – отцом, братом, членами сельской общины, кругом лиц, соотносимых с профессиональной военной деятельностью солдата. Это первые лица государства, военные чины, героические личности, сослуживцы, друзья.

На территории современной Удмуртии новобранец назывался *некрутом*. Выявленная Ж. В. Корминой (2005) этимология термина «некрут» связывается с временным, переходным – лиминальным – состоянием призывника. «Корень *-крут-* в русском языке связан с обрядом вообще, особенно с календарными обрядами

и со свадьбой» (с. 72). В ряде русских региональных традиций святочных ряженных называют «окрутники», «скрутники». Свадебному обряду присущи термины «окрутить» (уложить волосы невесты в две косы, по «женскому» типу), «окручение» (название свадебного эпизода). А. В. Черных (2001, с. 144) указывает на общность рекрутской обрядности с рядом свадебных и календарных ритуалов.

В удмуртских, марийских рекрутских песнях также встречаются поэтические мотивы, близкие к свадебным песням и свадебной обрядности. Ведущим исследователем удмуртской традиционной культуры Т. Г. Владыкиной выявлены несколько таких формульных выражений, которые связаны со свадебными ритуальными ситуациями. Например, комментируя формульное выражение «на здоровую свою да, ой, голову что же я платок повязал», Е. Б. Вершинина и Т. Г. Владыкина (2014) указывают, что «истоки образа связаны со свадебной ритуальной ситуацией смены девичьего головного убора на женский...» (с. 363).

Крупнейший специалист по музыкальному фольклору удмуртов, этномузыковед И. М. Нуриева (1999) отмечает как сходство текстов рекрутских и свадебных песен, так и «случаи исполнения на проводах солдата текстов, приуроченных к свадьбе» (с. 129).

Исследователем марийской культуры М. Н. Мамаевой (2019) в монографии «Рекрутские песни и традиция проводов в армию у луговых мари» сделаны выводы о том, что «в рекрутский репертуар переходили и закреплялись тексты и устойчивые образы из свадебных прощальных песен девушки невесты... свадебных поезжан» (с. 46).

В песнях рекрутского обряда встречаются такие обозначения новобранцев и сослуживцев солдата, как *некрутики, братья, брателко, товарищи, ребята, герои, казаки, есаулы, стрелки, мальчик*. Использование этих терминов указывает на высокий уровень коллективизма, на развитие, доброжелательные общественные отношения в солдатской среде:

«Счастлив тот мальчик уродился,
Да за которым службы нет...» (Татаринцев, 1990, с. 115).

«Вы послушайте, стрелочки,
Я вам песенку спою, я вам песенку спою
Про службишку про свою...» (Татаринцев, 1990, с. 125).

В рекрутских песнях в значительной степени присутствует обращение к отцу и матери как к прибежищу, к опоре. Например, в песне «Чуют, чуют кудерки» используется мотив просьбы сына к отцу о помощи в несении службы. С обращения рекрута к отцу и диалога с ним начинается песня «Тятка, тятка, тятка мой»:

«Тятка, тятка, тятка мой,
Тятка-батюшка родной!
Сядь на лавочку со мной,
Побеседуем с тобой...» (Верещагин, 2002, с. 333-334).

Поэтический образ *крутых берегов* наряду с уже ранее обозначенной символикой родительского, «материнского» начала и, в более широком контексте, символа Родины-матушки может мифологически переосмыслиться и как «друзья». Например, в песне «Вы, поля ли, поля»:

«А друзья у меня – все круты берега» (Травина, 1978, с. 183).

В песнях рекрутского обряда упоминаются как общераспространённые русские имена, так и относящиеся к конкретной личности. Например, в песне «Чуют, чуют кудерки», представленной в книге А. Г. Татаринцева «Русский фольклор Удмуртии», встречается имя «Оленька» – один из вариантов имени «Олег» (Грот, 2015, с. 9, 25).

В песнях с сюжетами на историческую тематику упоминаются такие легендарные для русской истории личности, как император Николай I, князь Лопухин, граф Аракчеев, граф Пашкевич, граф Баскевич, граф Паскевич, граф Апраксин. В записях Г. Е. Верещагина, согласно научным изысканиям Э. А. Тамаркиной (2004), встречаются «песни разинского цикла с наслоением поздних моментов, относящихся к Пугачевскому восстанию... песни о войне 1812 г., о первой русско-турецкой войне и роли графа Баскевича в поднятии патриотического духа солдат...» (с. 140):

«Как поехал князь Ракчеев
В чисто полюшко.
Со любезными полками
С казаками он,
Со другими со полками
С есаулами...» (Верещагин, 2002, с. 329).

В некоторых песнях в характеристике героических личностей присутствует цветовая символика. Например, в песне «Поле чистое, турецкое» в мотиве призыва графа Паскевича к солдатам служить «верой-правдою» «государю императору / Николаю Павловичу, / Царю белому российскому» используется символика белого цвета. В славянском фольклоре доминантное значение данного символа – «наш», «ясный», «светлый», «чистый» (Белова, 2002, с. 481). Эпитет «белый», применённый к характеристике императора Николая I, придаёт его личности масштабность:

«Граф Паскевич выговаривал:
– Вы побойтесь, ребяташки!

Вы служите верой-правдою
Государю императору,
Николаю Павловичу,
Царю белому российскому!» (Верещагин, 2002, с. 322).

Названия территорий других государств и представителей этносов в песенных текстах зачастую являются метафорами «удалённого пространства». Например, в тексте песни «Как по улице по шведской» одновременно упоминаются и «немецкая слобода», и «шведская улица»:

«Как по улице по шведской,
В слободе было немецкой...» (Стародубцева, 1999, с. 77-78).

Таким образом, в песнях, звучащих во время проводов в армию и связанных с историческим прошлым России, описания событий и мотивы с упоминанием героических личностей являются осью, вокруг которой выстраивается сюжетный и мотивный ряд. Данная стилистическая особенность текстов рекрутских, солдатских, исторических песен отмечается в материалах и исследованиях Н. А. Волокитиной (2014, с. 44), Э. А. Тамаркиной (2004, с. 140). Е. А. Склярова (2015, с. 124-127) указывает на сходство особенностей развёртывания текста «молодецких» песен, которые звучали во время проводов рекрута на территории современной Удмуртии, с текстами былин, с историческими песнями. Ею отмечены общие и для молодецких песен, и для эпических песенных жанров сюжеты, мотивы, образы.

Заключение

Итак, в результате предварительного анализа системы персонажей, задействованной в поэтическом коде песен рекрутского обряда русской традиционной культуры Удмуртии, было выявлено несколько тенденций:

1. Основой для формирования песенного репертуара рекрутского обряда являются тексты, поэтические особенности которых на уровне акционального, кинетического, вербального, акустического кодов во многом координируются со свадебным, календарным фольклором, с историческими песнями.

На сходство песен рекрутского, свадебного и календарного обрядов указывают также исследователи русской, марийской, удмуртской обрядовой культуры (Вершинина, Владыкина, 2014, с. 363; Мамаева, 2019, с. 46; Черных, 2001, с. 144). Анализ символики, задействованной в описании женских персонажей, обнаруживает параллели с обрядовой культурой, с предметными реалиями, с элементами ландшафта.

Для характеристики мужских персонажей чаще используются поэтические мотивы с участием реальных исторических лиц, с упоминанием об исторических событиях, с привлечением поэтических особенностей эпических песенных жанров – былин, исторических песен.

2. В вербальном, акциональном, предметном кодах русского рекрутского обряда проявляются мифологические воззрения народа о сакрализации частей тела (волос), одежды и вещей (шапки, чука, лент), частей дома (матицы, притолоки).

3. В результате сопоставления этнографических описаний обычаев, связанных с волосами, и поэтических мотивов русских рекрутских песен Удмуртии можно сделать выводы о сходном отношении к волосам в народных традициях удмуртов, бесермян, татар, донских казаков:

- постриг совершается в составе обряда «перехода» человека в иную социальную или возрастную группу;
- чаще это действие совершает человек, наделённый специальными полномочиями;
- остриженные волосы выступают символическим «замещением» человека – ребёнка или солдата, их сохранение становится залогом здоровья ребёнка или благополучного возвращения солдата;
- поэтический мотив передачи постриженных волос матерью рекрута его невесте (или в других вариантах текста – молодой жене) координируется с народными обычаями сохранения детских волос.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в использовании полученных выводов в изучении мифологем, функционирующих в ареальной фольклорной традиции современной Удмуртии, в выявлении параллельных культурных феноменов в фольклоре народов, проживающих в Волго-Камье.

Источники | References

1. Азизова Н. Р. Традиционная родильная обрядность юртовских татар // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2009. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2009/hist4.html>
2. Анисимов Н. В. Символика одежды умершего в традиционной культуре удмуртов // Предметные реалии удмуртской этнокультуры: коллективная монография. Ижевск, 2021.
3. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
4. Белова О. В. Цвет // Славянская мифология: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Международные отношения, 2002.
5. Богданова Ю. П. Певческая традиция фольклорного ансамбля «Родные напевы» с. Карсовой Базинского района: история формирования: выпускная квалификационная работа. Рукопись. Ижевск, 2019.

6. Болдырева В. Г., Толкачева С. В. Русская свадьба Среднего Прикамья. Ижевск: Шелест, 2018.
7. Вершинина Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов. Ижевск, 2014. Вып. 3.
8. Владыкина Т. Г., Глухова Г. А., Панина Т. И. Чук в традиционной культуре удмуртов // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 1.
9. Владыкина Т. Г., Глухова Г. А., Панина Т. И. Чук/тук в повседневном и ритуальном контекстах // Предметные реалии удмуртской этнокультуры: коллективная монография. Ижевск, 2021.
10. Власкина Т. Ю. Первая годовщина рождения ребенка в традициях донских казаков // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 23.
11. Волокитина Н. А. «Солдатская доля» в песенном фольклоре населения Вологодской губернии // Альманах современной науки и образования. 2014. № 5-6 (84).
12. Грот Л. П. О древнерусских именах Олег и Ольга // История: факты и символы. 2015. № 2.
13. Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
14. Мамаева М. Н. Рекрутские песни и традиция проводов в армию у луговых мари. Йошкар-Ола, 2019.
15. Нуриева И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999.
16. Попова Е. В. Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX - 90-е годы XX в.): монография. Ижевск, 1998.
17. Садыкова Р. Б., Сайфутдинов К. Татарские обряды, связанные с рождением ребёнка. 2021. URL: <https://posredi.ru/tatarskie-obryady-rozhdenie-rebenka.html>
18. Склярёва Е. А. Музыкальный фольклор в календарных обрядах русских старожилов Удмуртской Республики: дисс. ... к. иск. СПб., 2015.
19. Стародубцева С. В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 2001.
20. Тамаркина Э. А. Внутрижанровое многообразие и традиционность русской народной песни по записям Г. Е. Верещагина // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. ст. Ижевск, 2004.
21. Толкачева С. В. Метафорические образы пространства в русских традиционных рекрутских обрядах Удмуртии: тематика «пути-дороги» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 2.
22. Толкачева С. В. Рекрутский обряд в русской традиционной культуре Удмуртии // Прикамское собрание: мат. III всерос. открытого науч.-практ. форума «Ресурсы развития российских территорий» (г. Сарапул, 27-28 сентября 2019 г.). Ижевск - Сарапул, 2019.
23. Толкачева С. В. Традиционные рекрутские обряды русского населения Удмуртии: этнографические параллели с рекрутскими обрядами народов Урало-Поволжья // Научный диалог. 2020. № 8.
24. Толстой Н. И., Усачева В. В. Волосы // Славянская мифология: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Международные отношения, 2002.
25. Травина И. К. Русские народные песни родины П. И. Чайковского. М.: Советский композитор, 1978.
26. Узенёва Е. С. Шапка // Славянская мифология: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Международные отношения, 2002.
27. Цивьян Т. В. Архетипический образ дома в народном сознании // Живая старина: журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2000. № 2.
28. Черных А. В. Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья) // Мужской сборник. Мужчина в традиционной культуре: социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор: сб. ст. М.: Лабиринт, 2001. Вып. 1.

Информация об авторах | Author information

RU Толкачева Светлана Викторовна¹, к. филол. н.
¹ Удмуртский институт истории, языка и литературы
 Удмуртского федерального исследовательского центра
 Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск

EN Tolkacheva Svetlana Viktorovna¹, PhD
¹ Udmurt Institute of History, Language and Literature
 of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk

¹ svetlana-tolk@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.05.2022; опубликовано (published): 10.10.2022.

Ключевые слова (keywords): рекрутские песни; русский фольклор Удмуртии; обряд первой стрижки; recruitment songs; Russian folklore of Udmurtia; rite of the first haircut.